

М. Н. Перфилова

Словообразование архаичных цветообозначений в русском языке

В статье рассматриваются основные способы словообразования и словообразовательные модели, которые использовались для создания архаичных цветообозначений в истории русского языка. По критерию актуальности или неактуальности словообразовательных моделей выделяются три основные категории колоративов: 1) образованные по актуальным словообразовательным моделям, 2) образованные по полностью устаревшим словообразовательным моделям, 3) образованные по частично устаревшим словообразовательным моделям. Каждая из выделенных категорий рассматривается в отдельности, в том числе с точки зрения того, функционируют словообразовательные модели, по которым созданы колоративы, только в границах семантического поля цвета или же наблюдаются и за его пределами. Семантическое поле цвета русского языка рассматривается как синергетическая система со всеми свойствами, присущими системам такого рода. В целях достижения наибольшей достоверности используется материал разнотипных словарей, основными из которых являются исторические и диалектные. Исторический материал анализируется в сопоставлении с данными современного русского языка.

Ключевые слова: цветообозначение, способ словообразования, словообразовательная модель, семантическое поле цвета, синергетическая система.

Для цитирования: Перфилова М. Н. Словообразование архаичных цветообозначений в русском языке // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 178–202. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_178. EDN: MJWAXL

В настоящее время наблюдается повышение интереса лингвистов к словообразовательным процессам с точки зрения диахронии. Издаются монографии, пособия, научные статьи, посвящённые теоретическим проблемам исторического словообразования или конкретным морфемам русского языка. Кроме этого, на стадии разработки находится интернет-проект «Русский древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка» под руководством доктора филологических наук профессора А. М. Камчатнова¹.

¹ Русский древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка. Электронный ресурс. URL: <http://www.drevoslov.ru/> (дата обращения: 22.06.2023)
© Перфилова М. Н., 2023

Анализ эволюции отдельных словообразовательных формантов и динамики словообразовательных моделей позволит глубже понять, как развивался словарный состав русского языка. Один из путей подобного анализа – исследование особенностей словообразования в отдельных лексико-семантических группах (далее – ЛСГ) и, шире, семантических полях (СП).

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей словообразования цветообозначений-архаизмов, являющихся неотъемлемой частью исторического развития СП цвета в русском языке, которое мы рассматриваем как сложную самоорганизующуюся (синергетическую) систему. Исследование посвящено поиску ответов на следующие вопросы: какие способы и модели словообразования были предпочтительны при создании архаичных колоративов; могло ли предпочтение тех или иных способов и моделей словообразования стать причиной устаревания цветообозначений; насколько распространены были отдельные словообразовательные модели за пределами СП цвета.

Материалы и методы

Материалом для анализа стали 772 архаичных колоратива, полученных методом сплошной выборки из исторических словарей русского языка XI–XIX вв. По критерию актуальности или неактуальности словообразовательных моделей, при помощи которых они созданы, устаревшие цветообозначения (ЦО) разделены нами на три основные категории: 1) ЦО, образованные по актуальным словообразовательным моделям, 2) ЦО, образованные по полностью устаревшим словообразовательным моделям (то есть моделям, полностью утратившим все структурные элементы), и 3) ЦО, образованные по частично устаревшим словообразовательным моделям (моделям, в которых были утрачены отдельные структурные элементы или которые перестали быть продуктивными в СП цвета). Особый интерес для историка-лексиколога представляют две последние категории, так как они иллюстрируют уникальный фрагмент словообразовательных отношений в СП цвета и позволяют связать его с историческими изменениями этого поля.

Историческое освещение словообразовательных моделей затруднено тем, что они не всегда поддаются полной реконструкции, поскольку в истории языка утрачиваются отдельные звенья словообразовательной цепочки. В связи с этим из частично или полностью устаревших словообразовательных моделей мы рассмотрим только те, что удалось восстановить с наибольшей степенью достоверности, и проанализируем, насколько распространёнными были они в СП цвета и за его пределами. Отметим, что кроме ЦО, относящихся к трём основным категориям, имеются те, для которых на данный момент точно определить словообразовательную модель затруднительно. Колоративы такого рода требуют отдельного углублённого изучения.

Ведущие методы исследования – интегральный, сравнительно-исторический и историко-сравнительный с его основными приёмами: внешней и внутренней реконструкции, культурно-исторической интерпретации, диалектографии, этимологического анализа. В качестве основных методов исследования также выбраны описательный и статистический методы, метод семантических полей, метод компонентного анализа, метод анализа словарных дефиниций.

Результаты

1. Архаичные колоративы, образованные по основным актуальным словообразовательным моделям

К архаичным колоративам, образованным по основным актуальным словообразовательным моделям, которые используются в том числе за пределами СП цвета, относятся: производные ЦО, образованные от основ имён прилагательных; производные ЦО, образованные от основ глаголов; производные ЦО, образованные от основ имён существительных; производные ЦО, мотивированные сочетаниями слов (компози́ты). Рассмотрим их.

1. Производные ЦО, образованные от основ имён прилагательных

Производные ЦО могут образовываться от основ имен прилагательных:

а) при помощи суффикса *-оват-/-еват-*: *багрян-оват-ый* [21, в. 1, с. 126], *блѣд-оват-ый* [21, в. 2, с. 61], *бѣлокур-оват-ый* [20, в. 1,

с. 135], *ворон-оват-ый* [21, в. 4, с. 73], *дик-оват-ый* [20, в. 4, с. 246], *дымн-оват-ый* [21, в. 7, с. 51], *пег-оват-ый* [21, в. 18, с. 254], *пелес-оват-ый* [20, в. 14, с. 189], *румян-оват-ый* [20, в. 1; с. 255–256]. Словообразовательное значение – «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным»;

б) при помощи суффикса *-е(и)ньк-/-оньк-*: *ворон-иньк-ий* [21, в. 4, с. 73], *дик-оньк-ий* [21, в. 6, с. 131], *мухорт-еньк-ий* [20, в. 9, с. 317]. Словообразовательное значение – «экспрессивное значение ласкательности или уничижительности с оттенком усиления признака или с различными оценками предмета».

В современном русском языке модели а) и б) позволяют образовать имена прилагательные-деминутивы от ядерных колоративов ЛСГ различных цветовых тонов. В среде архаичных ЦО эти модели имели более широкое употребление, так как распространялись и на ядерные, и на периферийные элементы ЛСГ;

в) при помощи суффикса *-ёхоньк-/-ёшеньк-*: *сив-ёхоньк-ий*, *сив-ешеньк-ий*, *сиз-ёхоньк-ий*, *син-ешеньк-ий* [23, т. 4; с. 122–125]. Словообразовательное значение – «усиленная степень признака, названного мотивирующим прилагательным, в сочетании с оценочной экспрессией». Колоративы, образованные по этой модели, относятся к поздним по времени возникновения (XIX в.) и устаревшим на этапе современного русского литературного языка. В целом же модель продуктивна и характерна для ЦО, входящих в ядро ЛСГ;

г) при помощи суффикса *-ость* (реже *-есть*): *блѣд-ость* [24, т. 1, с. 119], *жарк-ость* «красно-жёлтый цвет» [21, в. 7, с. 97], *красн-ость* [20, в. 8, с. 21], *нардел-ость* [21, в. 14, с. 13], *пестр-ость* [17, ч. 4, с. 781], *примрачн-ость* [23, т. 3, с. 476], *рус-ость* [24, т. 3, с. 198], *син-есть* [17, ч. 4, с. 451], *смягл-ость* [20, в. 25, с. 236], *чермн-ость* [24, т. 3, с. 1559] и др. (всего более 20). Словообразовательное значение – «непроцессуальный признак, названный мотивирующим прилагательным»;

д) при помощи нулевого суффикса: *бель* [24, т. 1, с. 219], *воронь* [21, в. 4, с. 73], *дичь* «серый цвет» [20, в. 4, с. 247], *краснь* [21, в. 10, с. 242], *рудожелть* [20, в. 22, с. 235], *серь* [17, ч. 5, с. 1066]. Словообразовательное значение то же, что у модели г);

е) при помощи суффикса *-изн-*: *сед-изн-а* [17, ч. 5, с. 1025], *сив-изн-а* [23, т. 4, с. 122], *сиз-изн-а*, *син-изн-а* [17, ч. 4; с. 440–451]. Словообразовательное значение то же, что у моделей г) и д);

ж) при помощи суффикса *-ств-*: *зелень-ств-о* [18, т. 3, с. 367], *румян(ь)-ств-о* [20, в. 22, с. 256], *чермень-ств-о* [23, т. 4, с. 78]. Словообразовательное значение то же, что у моделей г) – е).

При анализе материала по моделям г) – ж) наблюдается следующее:

- среди абстрактных существительных есть словообразовательные варианты с синонимичным значением суффиксов. Как отмечает Е. Н. Прокопович, такая вариативность наблюдается в памятниках письменности с XI до XVI–XVII вв., а в XVI–XVII вв. «... намечается явная тенденция к нарушению словообразовательной синонимии» [13, с. 89]. Процесс её распада был длительным и постепенным. Из словообразовательных вариантов язык стал выбирать наиболее оптимальные для выражения отвлечённого значения цвета. В этом выборе проявляется такое свойство синергетических систем, как стохастичность – непредсказуемость, случайность: неясно, по каким причинам язык сохранил, например, ЦО *желтизна*, а не *желтость*, *желтота*, *желть*;

- для языка было неактуально образовывать абстрактные существительные от ряда колоративов, называющих оттенки цвета: *зарделость*, *поблеклость*, *смягность*, *седоватость*, *черноватость* и т. д. Среди актуальных колоративов процент подобных абстрактных существительных, впрочем, достаточно высок: *алость*, *голубоватость*, *рыжеватость* и др.;

- абстрактные существительные создавались и от устаревших основ, и от актуальных, поэтому нельзя считать архаичность/актуальность производящей основы общей причиной архаизации ЦО, перечисленных в пунктах г) – ж);

з) при помощи суффикса *-е(-ѣ-)*: *багр-ѣ-ть* [21, в. 1, с. 125], *блѣд-ѣ-ти* [24, т. 1, с. 119], *бус-ѣ-ть* [20, в. 1, с. 359], *лазорев-ѣ-ти* [21, в. 11, с. 108], *пасмур-ѣ-ть* [21, в. 18, с. 226], *сѣдат-ѣ-ти* [20, в. 24, с. 20]. Словообразовательное значение – «приобретать признак или большую степень признака, названного мотивирующим прилагательным»;

и) при помощи суффикса *-и-*: *багров-и-ть* [21, в. 1, с. 125], *пѣж-и-ть* [21, в. 18, с. 256]. Словообразовательное значение – «наделять кого-что-л. признаком или большей степенью признака», тесно связанное с красильным производством.

Модели з) и и) проиллюстрированы небольшим числом архаичных ЦО, что говорит об актуальности глагольного образования от основ прилагательных.

2. Производные ЦО, образованные от основ глаголов

а) при помощи суффикса *-ниѣ-/-ениѣ-*: *броц-ение* [20, в. 1, с. 339], *выбронзова-ние* [23, т. 1, с. 192], *зардѣ-ние* [18, т. 3, с. 343], *изчернива-ние* [23, т. 2, с. 126], *набагр-ение* [23, т. 2, с. 346], *очервл-ение* [20, в. 14, с. 96], *ошар-ение* «окраска, цвет» [20, в. 14, с. 106], *позлащ-ение* [17, ч. 2, с. 79], *причерн-ение* [17, ч. 5, с. 712], *процвѣт-ение* «цвет, расцветка» [20, в. 20, с. 283] и др. (всего около 25). Словообразовательное значение – «действие или состояние, названное мотивирующим глаголом»;

б) при помощи суффикса *-к-*: *осинь-к-а*, *пробѣл-к-а* [23, т. 3; с. 81–517]. Словообразовательное значение то же, что у модели а); для актуальных колоративов данная модель более продуктивна, чем для архаичных;

в) при помощи приставки *по-*: *по-забѣлить*, *по-зажелтить*, *по-зазеленить*, *по-зардѣть*, *по-зачервѣнеть*, *по-набѣлить*, *по-насинить*, *по-начернить*, *по-распестрить* [23, т. 3; с. 288–368], *по-синить* [20, в. 17, с. 168] и др. (всего 13). Словообразовательное значение – «неинтенсивное действие, названное мотивирующим глаголом». Среди архаичных ЦО данная модель была распространена в XIX в., в современной лексике цвета она почти не встречается: присоединение приставки *по-* используется для реализации иного словообразовательного значения – «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом». Данный факт говорит о том, что значение неинтенсивности действия в приобретении цвета перестало быть нужным для русской системы ЦО (оно реализуется редко, с помощью префикса *под-*: *подрумянить*, *подбелить*, *подсинить* и т. д.). Поскольку большинство перечисленных цветовых глаголов связаны с технологией окрашивания ткани, на их устаревание, возможно, как экстралингвистический фактор повлияло изменение этой технологии: на смену ручному многоэтапному труду пришла автоматизация, позволяющая быстро придать ткани нужный цвет;

г) при помощи приставки *за-*: *за-бусѣти* [20, в. 5, с. 140], *за-желкнуть* [23, т. 2, с. 18], *за-румянети* [20, в. 5, с. 291]. Сло-

вообразовательное значение – «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом»;

д) при помощи приставки *пере-*: *пере-желкнуть* [23, т. 3, с. 181], *пере-пестрити* [20, в. 15, с. 273]. Словообразовательное значение – «совершение действия повторно, заново, вновь»;

е) при помощи приставки *раз-/рас-*: *рас-краснѣть* [23, т. 4, с. 44]. Словообразовательное значение – «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом». Среди устаревших ЦО это единичный пример использования модели, в то время как в среде актуальных колоративов подобная модель встречается часто.

Касательно префиксального образования цветowych глаголов стоит отметить, что актуальные для современной лексики цвета словообразовательные модели с префиксами *вы-*, *до-*, *из-/ис-*, *на-*, *о-/об-*, *у-*, реализующие то же значение, что у модели е), в выборке по ЦО-архаизмам не встречаются;

ж) при помощи постфикса *-ся* (постфикс присоединяется при этом к основе переходного глагола): *багровати-ся* [20, в. 1, с. 63], *насинити-ся* [23, т. 2, с. 408], *обѣливати-ся* [23, т. 3, с. 41], *опрапрудити-ся* [24, т. 2, с. 592], *очервити-ся*, *очермнити-ся* [20, в. 14; с. 95–96], *подцвѣчати-ся*, *позажелити-ся*, *пораспестрити-ся*, *потемнѣти-ся*, *причернѣти-ся* [23, т. 3; с. 282–506], *убѣливати-ся* [23, т. 4, с. 318] и др. (всего более 20). Словообразовательное значение – «побочно-возвратное: действие как соприкосновение с объектом, который стимулирует это действие». Глаголы, образованные по этой модели, «называют действие как соприкосновение с объектом, причём объект своим наличием как бы стимулирует, порождает само это действие, делает его возможным» [16, с. 616]. В качестве объекта, порождающего действие, в данном случае выступает краситель определённого цвета;

з) при помощи постфикса *-ся* (постфикс также присоединяется к основе переходного глагола): *выпестривати-ся* [21, в. 4, с. 253], *вырумянити-ся* [23, т. 1, с. 224], *потемнити-ся*, *прибѣлѣти-ся* [23, т. 3; с. 400–455]. Словообразовательное значение – «собственно-возвратное: действие производится субъектом, который одновременно является и объектом действия».

Как и в актуальной лексике цвета, среди устаревших ЦО есть возвратные глаголы, которые в зависимости от контек-

ста имеют словообразовательные значения модели ж) или з): *изчернивать-ся* [23, т. 2, с. 126], *понабѣлить-ся* [23, т. 3, с. 331], *почернить-ся* [17, ч. 5, с. 712], *пробѣливать-ся* [17, ч. 4, с. 447], *распещрять-ся* [23, т. 4, с. 47] и др. (всего более 10);

и) при помощи постфикса *-ся* (в данной модели постфикс присоединяется к основе непереходного глагола): *златить-ся* [18, т. 3, с. 384], *обрыдати-ся* «покраснеть, зардеться, застыдиться» [24, т. 2, с. 551], *пламенить-ся* [21, в. 19, с. 235], *позазеленѣть-ся*, *позакраснѣть-ся*, *позардѣть-ся* [23, т. 3; с. 290–293]. Словообразовательное значение – «неопределённость, слабость выявления признака»: «... постфикс *-ся*, присоединяясь к непереходным глаголам со знач. «видеться в каком-либо цвете», может привносить в значение глагола оттенок неопределённости, слабости выявления признака; сравним: *белеть* и *белеться*, *краснеть* и *краснеться*, *чернеть* и *чернеться*» [16, с. 616].

3. Производные ЦО, образованные от основ имён существительных

а) при помощи суффикса *-ов-/-ев-*: *амарант-ов-ый* [21, в. 1, с. 56], *бланж-ев-ый* [23, т. 1, с. 60], *кармезин-ов-ый* [21, в. 9, с. 259], *каштань-ев-ый* [21, в. 10, с. 20], *корал-ев-ый* [21, в. 10, с. 167], *кубк-ов-ый* [20, в. 8, с. 102], *мскус-ов-ый* [20, в. 9, с. 292], *селадон-ов-ый* [21, в. 8, с. 163], *чиж-ов-ый* [17, ч. 6, с. 753], *шмальт-ов-ый* [23, т. 4, с. 461]. Словообразовательное значение – «отнесённость к предмету (неодуш.), явлению»;

б) при помощи суффикса *-н-*: *багрянич-н-ый* [20, в. 1, с. 64], *бурнат-н-ый* [18, т. 1, с. 230], *глин-н-ый* [20, в. 4; с. 33], *злат-н-ый* [18, т. 3, с. 389], *олив-н-ый* [21, в. 16, с. 266], *порфир-н-ый* [20, в. 17, с. 144], *попель-н-ый* [20, в. 17; с. 79–80], *прапруд-н-ый* «багряный» [24, т. 2, с. 1372], *таусин-н-ый* «тёмно-синий» [23, т. 4, с. 272], *ценинь-н-ый* «окрашенный в цвет ценины (зелёный)» [24, т. 3, с. 1439] и др. (всего более 15). Словообразовательное значение то же, что у модели а).

Касательно моделей а) и б) отметим, что в истории языка наблюдаются пары ЦО с суффиксами *-ов-/-ев-* и *-н-*, реализующими синонимичные значения. Как и в случае с абстрактными существительными, невозможно определить, по каким причинам язык оставлял один вариант: почему, например, ЦО *бирюзный*, *вишнёвый*, *коричный* устарели, а *бирюзовый*, *вишнёв-*

ый, коричневый остались актуальными или, наоборот, устарело мраморовый, а мраморный – нет? Иногда систему не устраивали оба ЦО: аврорный/авроровый, инкарнатный/инкарнатовый, мраморный/мраморовый. В этом незакономерном выборе словообразовательных вариантов снова проявляется стохастичность СП цвета. Однако в количественном отношении чаще проходили процесс архаизации ЦО с суффиксом -н-. Возможно, причина этого кроется в большей древности суффикса по сравнению с суффиксами ов-/ев-.

Указанные суффиксы присоединялись также к основам прилагательных: бруснишн-ов-ый [21, в. 2, с. 148], гвоздичн-ев-ый [20, в. 4, с. 14], гвоздичн-ов-ый [21, в. 5, с. 95], кипричн-ев-ый [20, в. 7, с. 135], сиз-ов-ый [24, т. 3, с. 344], смагль-н-ый [20, в. 25, с. 152]. В целом, язык не приветствовал подобное образование цветowych прилагательных от других прилагательных-колоративов: в них часто наблюдалось «соседство» синонимичных суффиксов -н- и -ов-/ев-, которое не приносило в образованное слово новых смысловых оттенков;

в) при помощи суффикса -ист-: зелен-ист-ый, злат-ист-ый [21, в. 8; с. 162–181], мед-ист-ый [23, т. 2, с. 338], пепел-ист-ый [20, в. 14; с. 195–196], пламен-ист-ый [21, в. 19, с. 234], колер-ист-ый [23, т. 2, с. 188]. Словообразовательное значение – «имеющий свойства, характерные для кого-/чего-н.».

Морфема ист- могла присоединяться также к основам имён прилагательных: землян-ист-ый [21, в. 8, с. 171], пелес-ист-ый [23, т. 3, с. 166]. Как при «соседстве» суффиксов -н- и -ов /ев- в одном слове, здесь не наблюдается семантического новшества, оправдывающего образование нового слова, что стало вероятной причиной устаревания этих двух колоративов;

г) при помощи суффикса -ан-/ян-: зол-ян-ой [21, в. 8, с. 226], ольш-ан-ый «цвета ольховой коры» [21, в. 16; с. 269–270], пегга «пятно, крапина на коже» → пег-ан-ый «пегий» [20, в. 14, с. 185], снеж-ан-ый «белоснежный» [20, в. 25, с. 250], серебр-ян-ый [17, ч. 5, с. 433]. Словообразовательное значение – «отнесённость к предмету (неодуш.), явлению». Многие из этих устаревших ЦО имеют актуальные синонимы с другими суффиксами: зольный, ольховый, снежный. Подобное явление уже встречалось нам при анализе архаичных абстрактных имён существительных. Оно подтверждает, что язык накапливал для дальнейшего отбора

не только лексический материал (пик этого накопления приходится на XVIII век) [1], но и словообразовательный.

По семантике цветолексем, образованные по моделям а) – г), были тесно связаны с предметами-эталоном цвета и занимали в своих ЛСГ, как правило, периферийное положение.

4. Производные ЦО, мотивированные сочетаниями слов (компози́ты)

Среди архаичных колоративов в значительном количестве (175 из 772) наблюдаются ЦО-компози́ты, образованные путём соединения основ слов (часто с суффиксацией) или сращения: *багряновинный, блѣдножаркий, гвоздичнобурый, зелено-саладоновой, иноличный* («другого цвета») и др.

Соединение основ двух слов является для языка одним из наиболее удобных способов передать сложный цветовой оттенок или обозначить сразу несколько цветов предмета. По каким же причинам устарело большое число цветových компози́тов, если они являются столь необходимыми для языка?

Предполагаем, что причинами могли стать следующие факторы:

– при архаизации слова, основа которого включена в компози́т, увеличивается вероятность того, что устареет и сложное образование от него. Например, устаревание колоратива *златой повлекло архаизацию компози́тов всезлатый, златобисерный, златордяный, златосребренный, златояхотный* и др. Подобное явление наблюдается и в аффиксальном словообразовании: к примеру, устарели ЦО *броща* и *брощь*, называющие красную краску, – и закономерно претерпели процесс архаизации ЦО *брощение, брощити, оброщены, оброщити*, образованные от них;

– основы *тѣмн-, ярк-, блѣдн-, светл-*, выступающие в качестве второй основы компози́та: *голуботемный* [21, в. 5, с. 460], *злато-яркий* [21, в. 8, с. 182], *красноватотемный* [21, в. 10, с. 234], *пестроблѣдный* [21, в. 19, с. 184], *червленосвѣтлый* [23, т. 4, с. 430]. Основы *тѣмн-, ярк-, блѣдн-, светл-* являются базой «модификаторов цветности» *тѣмно-, ярко-, блѣдно-, светло-* [9, с. 27], для которых в современном русском языке характерна позиция первой основы компози́та (препозиция), являющаяся более оптимальной для русского языка: *тѣмно-голубой, ярко-золотой, блѣдно-синий, светло-красный* и т. д.;

– в редких случаях – наличие более двух основ в составе композита, усложняющих восприятие его семантики носителями языка: *густокрасножелтый*, *светлорудожелтый*.

II. Полностью утраченные модели производных ЦО

Полностью утраченные модели касались производных ЦО, образованных префиксальным способом от основ имён прилагательных. Словообразовательное значение у них было одно и то же: «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным».

1. При помощи приставки *при-*: *при-белый*, *при-желтый*, *при-красный*, *при-зеленый*, *при-рыжий* [20, в. 19; с. 93–269], *при-смуглый*, *при-чермный*, *при-чернь* «рыжеватый», *при-чернь* «черноватый» [20, в. 20; с. 17–77].

Примеры из русских говоров и памятников письменности показывают, что эта модель использовалась вне СП цвета: *приблажный* – «с причудами, блаженный, глуповатый, придурковатый», *приглупый* – «глупый, глуповатый» [19, в. 31; с. 114–159], *прикорчеватый* – «слегка кудрявый, вьющийся», *прикудряв* – «слегка кудрявый» [20, в. 19; с. 186–191], *пристарый* – «пожилой» [20, в. 20, с. 32], *прищурый* – «подслеповатый» [3, с. 429] (ср.: у В. И. Даля в статье к слову *близорукий* – «у кого короткое зрѣніе <...> щурый») [4, с. 99].

При этом в говорах у приставки *при-* чаще наблюдается противоположное значение – «сильная степень проявления признака, качества»: *приблизный* – «самый близкий» [5, с. 703]; *приболезный* – «близкий сердцу, желанный» [19, в. 31, с. 117]; *призлющий* – «весьма злой» [5, с. 712]; *примелый* – «более мелкий» [11, т. 3, с. 392]; *примогучий* – «весьма большой, крупный, сильный» [5, с. 715] и др. Это явление отражено и в ранних памятниках письменности: *привысокий* – «высочайший», *привѣчный* – «вечный, бесконечный», *пригорил* – «худший», *присловый* – «преславный» [24, т. 2; с. 1387–1455] и др.

Анализируемый материал позволяет сделать следующие предположения:

1) значение префикса *при-* изначально было синкретичным и амбивалентным с точки зрения оценки. Такое же явление наблюдалось на уровне лексики, у значений слов на древних этапах их развития [7]. Это можно объяснить тем, что большинство префиксов, как подтверждают многие лингвисты (М. Фа-

смер, И. И. Срезневский, О. Н. Трубачёв, П. Я. Черных, А. П. Преображенский и др.), произошли от предлогов, находящихся в препозиции по отношению к слову. Предлоги, как мы предполагаем по причине их многозначности, особенно в говорах, могли быть в истории языка самостоятельной частью речи. Возможно, они являлись таковыми в индоевропейском языке, из которого унаследованы по большей части [6; 27; с. 346–347], однако, к сожалению, пока нет комплексных исследований морфологического статуса индоевропейских предлогов, чтобы подтвердить или опровергнуть это. Если же предположение верно, оно объясняет, почему в семантике предлогов протекали те же процессы, что и у слов иных частей речи;

2) синкретичность значений позволяла предлогам присоединяться к словам разных частей речи. Это привело к тому, что приставки имели в разных частях речи одинаковые значения. Так, префикс *при-* в говорах входил со своими значениями в состав как имён прилагательных, так и имён существительных и глаголов. В современном русском языке он перестал быть актуальным для образования имён прилагательных и существительных, но остался таковым для глаголов, чему способствовала «генетическая память»: ещё в общеславянском языке префиксальный способ образования был характерен для глаголов, а именное словообразование оперировало суффиксами [12, с. 272]. Со временем модели образования глаголов повлияли на модели именного словообразования: «... влияние глагола является в этих случаях доминирующим, и именно поэтому многие корневые тематические имена сопровождаются приставками по образцу глаголов, послуживших им моделями» [12, с. 273];

3) возможно генетическое родство приставок *при-* и *пре-*. Основаниями для такого предположения является следующее:

– сходство значений. Приставка *пре-* сохраняет значение сильной степени проявления признака в современном русском языке; в подтверждение этой мысли в «Материалах...» И. И. Срезневского в словарных статьях о словах с приставкой *при-* отмечается, что они употреблены вместо слов с приставкой *пре-*. В говорах тоже наблюдается только это значение, следовательно, префикс утратил амбивалентность ранее других. Данный факт, вероятно, обусловлен тем, что предлог *пре-*, упо-

треблявшийся в старославянском языке только как приставка, уже имел конкретизированную семантику в индоевропейском языке, из которого был унаследован (его фонетическая форма до метатезы – *rēg-). Это подтверждают данные других языков индоевропейской семьи, а именно приставки *reg* (лат.), *perí* (греч.), *reĩ* (лит.) со значением «очень» [26, с. 347];

– гласные звуки в обеих приставках могли возникнуть в процессе утраты долготы и краткости гласных (**i* и **e* соответственно). Более того, как показывает последующий материал, по значениям приставок и тоже наблюдаемой в них утрате долготы и краткости гласных генетически родственными префиксам *при-* и *пре-* в теории можно считать приставки *про-* и *пра-* (гласные **ō*/ и **ō* соответственно). В данном случае можно говорить об аблауте – «системе гласных, связанных морфологическими чередованиями в корне» [15, с. 105]. В частности, П. Я. Черных отмечает, что предлог и приставка *про-* является аблаутом предлога и приставки *пра-* [27, с. 68]. Аблаут, унаследованный от индоевропейского языка протославянским, а затем ранним праславянским языком, предполагал как количественные, так и качественные чередования: [ĕ]//[ō]//[ē]//[ō]//[ø] [15, с. 105].

2. При помощи приставки *про-*: *про-пестрый* [20, в. 20, с. 191], *про-пелесый* [24, т. 2, с. 1555], *про-седый* [17, ч. 5, с. 1025], *про-черный* [20, в. 20, с. 285].

В говорах также имеются нецветовые примеры с этой приставкой: *прогорячий* – «слегка, немного подогретый, не очень горячий», *продурной* – «плохой, хулиганистый» [19, в. 32; с. 115–127]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отмечен интересный пример *пролетный* – «весенний», в котором приставка имеет такое же значение [20, в. 20, с. 158].

Как и у приставки *при-*, в говорах у префикса *про-* тоже наблюдается значение «сильная степень проявления признака, качества»: *пробеденький* – «очень бедный, несчастный», *провелик* – «очень, слишком велик» [19, в. 32, с. 80–93], *проученый* – «очень сведущий, образованный» [19, в. 33, с. 21].

Приставка *пра-*, являющаяся аблаутом префикса *про-*, практически не использовалась в СП цвета. Более того, она не была распространена в говорах, следовательно, переставала быть актуальной в дописьменный период русского языка. В своей

ранней истории эта приставка, впрочем, тоже имела значение «сильная степень проявления признака, качества», о чём свидетельствует редкий пример из смоленских говоров: *пра-светлый* – «пресветлый» [19, в. 31, с. 68]. Это значение префикса отмечал И. И. Срезневский, одновременно указывая на его происхождение из предлога: «Пра – предлог слитный, входящий въ составъ очень небольшого количества словъ, которыхъ значеніе усиливаетъ, возводитъ въ высшую степень» [24, т. 2, с. 119].

3. При помощи приставки *под-*: *под-красный* [20, в. 15, с. 271]. Этот пример свидетельствует об уникальности морфемы для СП цвета. В говорах встречается второе слово *подсивый* со значением «совершенно сивый» [19, в. 28, с. 179], свидетельствующее о том, что приставка *под-* тоже раньше обладала амбивалентностью значений. Вне СП цвета примеров с ней достаточно много:

а) «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным»: *подвесёлый* – «слегка опьяневший» [19, в. 27, с. 353], *подкосый* – «страдающий косоглазием, косоглазый», *подлучший* – «не самый лучший, поношенный (о платье)», *подслепый* – «слеповатый» (из устойчивого сочетания *подслепа я мышь* («о человеке, который долго ищет то, что лежит у всех на виду»), *подсухий* – «сухопарый, худощавый» [19, в. 28; с. 47–207]. В современном русском языке этот префикс не используется для образования имён прилагательных, но актуален в аттенуативном, смягчительном значении для глаголов (ср.: *подкрасить, подсушить, подучить*);

б) «сильная степень проявления признака, качества»: *подлюбезный* – «разлюбезный, любезный», *подхилый* – «слабый, хилый, вялый» (значение префикса выводится из сочетания *хилый-подхилый*) [19, в. 28; с. 72–238].

Можно предположить, что по модели с приставкой *под-* образованы также *подласый* и *подчерленостный*, однако на данный момент полная реконструкция их словообразовательных цепочек затруднительна по причине отсутствия некоторых элементов. В частности, ещё не обнаружено слово *черленостный*, которое подтвердило бы отнесённость ЦО *подчерленостный* к модели с приставкой *под-*.

4. При помощи приставки *над-*: *над-чермень* «рыжеват» [20, в. 10, с. 82], *над-русый* [24, т. 2, с. 283]. В говорах

нами не обнаружено прилагательных с этой приставкой, но имеются наречия, указывающие на то, что когда-то такие прилагательные существовали, например, *надсырь* – «несколько сыровато» [19, в. 19, с. 253]. Также есть существительное, в котором реализуется то же значение префикса: *надзелень* – «собир. недозревшие зерновые; в знач. сказ. в незрелом, неспелом, зеленом состоянии» [19, в. 19, с. 234]. Из малочисленности примеров можно сделать вывод, что актуальность приставки *над-* в значении степени выражаемого признака была утрачена раньше, чем у префиксов, рассмотренных выше. Кроме того, исследователи отмечают, что приставка *над-* в аттенуативном значении перестаёт быть актуальной также в глагольном образовании, так как большинство из глаголов, имеющих эту приставку, уже устарели или находятся на стадии устаревания [8, с. 93].

Если судить по времени фиксации колоративов, модели 3 и 4 должны были активно использоваться в дописьменное время: в памятниках письменности они отображены минимально, что свидетельствует об их остаточном, «реликтовом» характере. Однако обращение к материалам говорков позволило увидеть, что в дописьменный период существования русского языка модель 3 была более распространённой, чем модель 4. Таким образом, модель 4 является реликтом не только для письменной, но и для дописьменной эпохи.

5. При помощи приставки *на-*: *на-зельный* [24, т. 2, с. 285]. Перед нами редкий пример, свидетельствующий об уникальности морфемы для СП цвета. С большой долей вероятности схожее значение имеет приставка в ЦО *накусный*, обозначающем два противоположных цвета. Оно образовано приставочно-суффиксальным способом от слова *сусá* («персидская шёлковая или полушёлковая полосатая ткань»), отмеченного только в говоре Оренбургской области [19, в. 42, с. 293].

При этом в говорах имеется пример *набельй* – «очень белый» (в т. ч. в сост. сочет. *бельй-набельй*) [19, в. 19, с. 112], в котором префикс репрезентирует противоположное значение. К нецветовым примерам такого рода относятся лексемы *набольший* – «самый большой», *навышний* – «высочайший (о Боге)», *наглухой* – в сост. сочет. *глухой-*

наглухой – «совсем глухой», нагустой – «очень густой» [19, в. 19; с. 127–219], надохлый – в сост. сочет. дохлый–надохлый – «очень худой» [11, т. 2, с. 486] и др.

6. При помощи приставки у-(ю-): у-(ю-)багрый, у-(ю-)зелень, у-(ю-)синь, у-(ю-)чермень [24, т. 3; с. 1108–1630]. Приставка у-(ю-) сохранилась в ЦО, зафиксированных в памятниках письменности XI–XII вв. Она произошла от дифтонга (**ou* → *o* → *y*) и являлась приименным вариантом приставки в-: «в гл. сложениях вместо *o* употребляется *ъ*» [25, с. 142]. Особенность этой приставки в том, что в живой речи (в говорах) она в значении «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным» не встречается, как и в значении «сильной степени проявляемого признака», что свидетельствует о реликтовом характере приставки уже в дописьменную эпоху. Однако оба значения есть у родственного префикса во-, который в говорах присоединялся к основам имён прилагательных, видимо, под влиянием глаголов: *вобелый* – «беловатый» и «очень белый; очень чистый», *вовеликий* – «великоватый», *вогустой* – «густоватый» и «очень, слишком густой» [19, в. 4; с. 326–330], *вожелтый* – «желтоватый» и «слишком жёлтый», *возеленый* – «зеленоватый», *вокрасный* – «красный, красноватый», *восиний* – «синеватый», *вочерный* – «не совсем черный; темный, темноватый» и «утративший чёрный цвет, полинявший» [19, в. 5; с. 11–165] и др. Примечательно, что в СП цвета эта приставка присоединяется к основам актуальных ЦО, а не устаревших.

Итак, полностью утраченные модели образования колоративов связаны с префиксальным образованием имён прилагательных от основ других имён прилагательных. Все рассмотренные приставки остались актуальными для глаголов, что позволяет сделать общий вывод о предпочтении русского языка следовать основным принципам именного словообразования, заложенным ещё в общеславянском языке: суффиксальное образование предпочтено префиксальному, возникшему под влиянием глаголов. Это объясняет, почему для передачи значения «слабая степень проявления признака, названного мотивирующим прилагательным» осталась актуальной модель с суффиксами *-оват-*/*-еват-*, а не модели с приставками *при-*, *про-* и др.

III. Архаичные колоративы, образованные по частично устаревшим словообразовательным моделям

1. Значительное количество рассмотренных нами ранее архаичных цветовых композитов было создано по актуальной словообразовательной модели с сочинительным отношением основ. Семантика композита при этом – «относящийся в равной степени к предметам или процессам, названным мотивирующими основами образующих прилагательных» [16; с. 316–318] (в нашей выборке – 121 пример). Однако в 45 цветовых композитах отмечается нехарактерное для современного русского языка подчинительное отношение основ, когда одна основа уточняет содержание опорного компонента.

В таких композитах использовались основы *-вид-*, *-образ-*, *-подобн-* и *-цвет-*, которые позволяли реализовывать различную семантику в зависимости от того, с какими основами они соединялись: а) при сложении с основой существительного и суффиксацией – «похожий цветом на (предмет)»: *желѣзоцвѣтный*, *златообразный*, *каштановидный*, *мрамороподобный* и др. (всего 31); б) при сложении с основой прилагательного и суффиксацией – «похожий на такой, который имеет определённый цвет»: *багровидный*, *блѣдноцвѣтный*, *пестрообразный* и др. (всего 14). Подобные модели были распространены в XVII–XVIII вв., но со временем язык отказался от подчинительного отношения основ в цветовых композитах.

2. К композитам, образованным по частично устаревшей модели, следует также отнести созданные при помощи сращения колоративы в *бѣлѣ-сѣрый*, *вбурѣпестръ*, *вбурѣлѣзь*, *вбурѣрыжъ*, *вгнѣдѣкаръ*, *вгнѣдѣлѣзь*, *вгнѣдѣчалъ*, *врусѣблѣый*, *втемнѣсѣрый*, зафиксированные в «Словаре русского языка XVIII века» в различном написании, слитном, раздельном или дефисном. Частично устаревший характер этой модели состоит в том, что при создании ЦО в препозиции используется основа наречия, образованного по непродуктивной в современном русском языке модели – от немотивированного прилагательного при помощи одновременного присоединения приставки *в-* и суффикса *-е(-ѣ)* [16, с. 401]: *в-бѣл-ѣ*, *в-бур-ѣ*, *в-гнѣд-ѣ*, *в-рус-е*, *в-темн-ѣ*. В данном случае соединяются значения признака, названного мотивирующим прилагательным, и наречия как части речи [16, с. 400]. Дан-

ная модель словообразования наречий была распространена в XVIII в. Так, в «Словаре русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» А. П. Майорова отмечен ряд цветowych наречий, употреблявшихся в документах Забайкалья для точного описания лошадиных мастей: *вголубе, вкаре, вкоуре, вмухорте, врыже, втемне* [10, с. 4].

Указанный словарь иллюстрирует, что в говорах при создании цветowych наречий кроме приставки *в-* и суффикса *-е* к основам прилагательных могли присоединяться приставка *на-* с суффиксом *-е* (*набулане, наголубе, накаре, накоуре, нарыже, насавресе*) и приставка *с-* с суффиксом *-а* (*сбура, сгнеда, сголуба, скаря, срыжа, ссива*) [10; с. 8–12]. Эти словообразовательные модели тоже являются непродуктивными в современном русском языке. В СП цвета они, как и описанная выше модель, обслуживали узкую денотативную область (масти животных), что могло стать причиной их устаревания.

Стоит заметить, что у устаревших композитов с наречием в препозиции сохранился актуальный аналог – сложные слова, в препозиции которых тоже находится наречие, но образованное от прилагательного при помощи приставки *из-*(*ис-*) и суффикса *-а*: *избела-голубой, иззелена-синий, иссера-чёрный* и др. Следовательно, из всех рассмотренных выше префиксально-суффиксальных наречий для создания цветowych композитов сохранились только те, в которых используются префикс *из-*(*ис-*) и суффикс *-а*, и в отличие от архаичных наречий они обслуживают больше денотативных областей благодаря тому, что присоединяются к основам актуальных колоративов, имеющих широкую сочетаемость. В этом снова наблюдается накопление словообразовательных ресурсов, из которых язык в дальнейшем отбирает только самые оптимальные.

3. В аффиксальном образовании архаичных колоративов особое место занимает модель, по которой имена прилагательные образуются при помощи суффиксов *-оват-/еват-* от основ имён существительных: *дымл-еват-ый* [20, в. 4, с. 394], *мороз-оват-ый* «разновидность сивой масти лошадей» [20, в. 9, с. 266], *потел-оват-ый* [20, в. 17, с. 79–80], *сонц-оват-ый* [20, в. 26, с. 146]. Словообразовательное значение – «имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом» [16, с. 285]. Данная модель относится к ряду тех, что

позволяют создать ЦО от наименования предмета-эталона. Для актуальных колоративов она нехарактерна, её вытеснили модели с суффиксами *-ов-/-ев-* и *-н-*, присоединяемыми к основам имён существительных. Однако сам факт её присутствия в истории русского языка говорит о том, насколько разнообразны были способы создания цветowych прилагательных и насколько активным был языковой поиск оптимального выражения цветовой семантики.

Возможно, по этой модели созданы архаичные ЦО *вишневатый*, *дымоватый*, *оливковатый*, *пепловатый*, *свинцоватый*, но они могли быть образованы и от основ прилагательных *вишнёвый*, *дымовой*, *оливковый*, *пепловый* и *свинцовый*, оканчивающихся на *-ов-*, и в этом случае стоило бы говорить о наложении суффиксов *-оват-/-еват-* на финаль производящей основы.

4. К частично устаревшим моделям мы также относим присоединение суффикса *-н-* к основе имени существительного с абстрактным значением цвета: *багряност-н-ый*, *белост-н-ый*, *блѣдност-н-ый* [20, в. 1; с. 64-237], *синост-н-ый* [20, в. 24, с. 154]. Возможно, по этой же схеме образован колоратив *подчерленостный*, однако нами пока не обнаружено слово *подчерленость*, основа которого была бы для него производящей.

В перечисленных примерах при присоединении суффикса *-н-* к семантике основы производящего слова не добавляются новые смысловые оттенки, и, вероятно, поэтому язык решил избавиться от подобных конструкций. К тому же значения этих колоративов прекрасно передавались ЦО *багряный*, *белый*, *бледный*, *синий*. Такое отвержение словообразовательной инновации касается, по нашим наблюдениям, только СП цвета: для актуальных слов из иных СП присоединение суффикса *-н-* к абстрактному имени существительному вполне оправданно и позволяет реализовывать новые семантические оттенки: *жалост-н-ый* «вызывающий сострадание, сочувствие; жалкий» [2, с. 569], *скорост-н-ой* «отличающийся высокой скоростью» [22, с. 1027] и др. Вероятно, в СП цвета подобная модель появилась под влиянием общей словообразовательной тенденции в русском языке, однако именно для этого поля она оказалась непродуктивной, в чём и заключается характер её частичной устарелости.

Обсуждение и выводы

Обобщая результаты исследования, можно ответить на поставленные в начале работы вопросы следующим образом:

1. Из способов словообразования наиболее предпочтительными при создании архаичных колоративов были сложение и сращение, а также суффиксальный способ и постфиксальный способ. В отличие от современного русского языка при создании ЦО использовался префиксальный способ, появившийся под влиянием словообразования глаголов. Наиболее распространены были те словообразовательные модели, в которых соединяются основы двух цветowych имён прилагательных, и те, в которых различные суффиксы присоединяются к основам имён прилагательных. На втором месте по распространённости – присоединение к основам глаголов постфикса -ся в различных значениях и присоединение разнообразных суффиксов к основам имён существительных.

2. Предпочтение тех или иных способов и моделей словообразования влияло на выход колоративов из активного употребления частично, поскольку многие ЦО были созданы по продуктивным словообразовательным моделям, и в этом случае причины их устаревания следует искать в других факторах. В целом наличие ЦО-архаизмов, образованных как по устаревшим, так и по актуальным моделям, свидетельствует о самоорганизации СП цвета как синергетической системы. Устаревшие модели в данном случае можно рассматривать как элемент подвижности, способствующий переходу системы в новое состояние, а актуальные модели – как элемент её устойчивости [15]. Оба типа поддерживают динамическое равновесие системы в её историческом развитии.

3. Большинство из рассмотренных нами словообразовательных моделей были распространены за пределами СП цвета, что позволяет сделать вывод об их комплексном использовании в пределах одного языка – русского. Особенно чётко это просматривается на материале говоров русского языка при анализе полностью устаревших моделей.

Анализ словообразования архаичных ЦО позволил также прийти к следующим выводам:

1) наличие множества словообразовательных вариантов с синонимичными морфемами является подтверждением

того, что язык помимо лексического материала накапливал для дальнейшего отбора и словообразовательный материал. Выбор тех или иных словообразовательных вариантов связан со стохастичностью СП цвета как синергетической системы. На данный момент затруднительно определить причины предпочтения конкретных словообразовательных вариантов, для этого требуется более детальный анализ языкового материала, в том числе выходящего за пределы лексики цвета;

2) словообразовательные варианты возникали, очевидно, под влиянием общих словообразовательных тенденций русского языка. В этом наблюдается взаимодействие сложной синергетической системы цветowych слов с внешней средой, какой является для неё общая система языка¹. Устаревание ряда вариантов показывает, что не все общие словообразовательные тенденции были оптимальны для СП цвета (сюда можно отнести подчинительное отношение основ в цветowych композитах, одновременное использование суффиксов *-ов-/-ев-* и *-н-*, присоединение суффикса *-ист-* к основам имён существительных, суффикса *-н-* к основам абстрактных имён существительных и т. д.). Предполагаемой причиной неактуальности некоторых словообразовательных тенденций является отсутствие новых смысловых оттенков, добавляемых к основной семантике при образовании производного слова. Это отсутствие новых смысловых оттенков можно рассматривать как одно из «слабых звеньев» СП цвета, которые «в совокупности приводили к неустойчивости системы, её хаотичности и неопределённости и тем самым способствовали изменению системы, её переходу в новое синхроническое состояние»²;

3) обращение к материалам говоривших и ранних памятников письменности показало, что большинство префиксов, используемых для образования архаичных цветowych прилагательных, во-первых, присоединялись к основам разных частей речи и, во-вторых, имели несколько значений, в том числе противоположных. Обе особенности префиксов связаны с тем, что приставки произошли от предлогов, бывших, как мы предполагаем, в истории языка самостоятельной частью речи, со своей семантикой и грамматическими свойствами. Отказ

¹ Перфилова М. Н. Динамика лексики цвета в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2022. С. 182.

² Там же. С. 109.

русского языка от приставочного образования цветowych прилагательных связан с тем, что ещё в общеславянском языке префиксация была характерна для глагольного словообразования, а именное было связано с суффиксацией. Данный факт объясняет, почему приставочные модели создания цветowych имён прилагательных были вытеснены суффиксальными.

Список литературы

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
2. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред.: Л. И. Балахонова. – М.: Наука; СПб.: Наука, 2004–2019. – Вып. 5.
3. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчивых словосочетаний / Ред.: коллегия В. И. Дегтярев и др.; Ростов. гос. ун-т; ф-т филологии и журналистики. – М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. – 608 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.; СПб: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1. – LXXXIV, 723 с.
5. Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. – Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. – 1022 с.
6. Камчатнов А. М. Старославянский язык. Курс лекций. Издание 4-е, испр. и доп. – М., 2009. – 220 с.
7. Кезина С. В., Луннова М. Г. Семантическая асимметрия в лексике (на материале славянских языков и их говоров) // Российский гуманитарный журнал. – 2022. – № 5. – С. 373–381.
8. Кронгауз М. А. Опыт семантического описания приставки над- // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. – 2001. – Т. 5. – № 1. – С. 85–95.
9. Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветowych концептосфер: монография / В. Г. Кульпина; отв. ред. В. А. Татаринев. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 288 с.
10. Майоров А. П. Термины животноводства в «Словаре русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье» // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2010. – № 8. – С. 51–66.
11. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков / в 4-х т. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002.
12. Мейе А. Общеславянский язык: пер. с фр. / общ. ред. С. Б. Бернштейна. – М.: Прогресс, 2001. – 500 с.
13. Прокопович Е. Н. Из наблюдений над суффиксальной синонимией (на материале памятников старорусской письменности) // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1978. – С. 84–98.
14. Пятаева Н. В. Динамическое описание генетически близкой лексики восточнославянских языков в контексте проблем исторической лексикологии русского языка // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. – М.: МГОУ, 2017. – С. 248–258.
15. Ремнёва М. Л. Старославянский язык: учебное пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Академический проект, 2004. – 352 с.
16. Русская грамматика АН СССР: в 2 т. / Ред. коллегия Н. Ю. Шведова и др. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 789 с.
17. Словарь Академии Российской. – СПб.: при Имп. Акад. наук, 1789–1794.
18. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988–2019.

19. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор; гл. ред. Ф. П. Филин. – Л.; СПб.: Наука, 1965–2016.

20. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2019.

21. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: Ю. С. Соколин и др.]. – Л.; СПб.: Наука, 1984–2019.

22. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / Гл. ред. В. М. Чернышев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. – Т. 13.

23. Словарь церковнославянского и русского языка. В 4 т. / Сост. вторым отделением Императорской академии наук. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1847.

24. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893. – 1956 стб.

25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод и доп. О. Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 4. – 865 с.

26. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. Учеб. пособие для студентов пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1974. – 432 с.

27. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1994. – Т. 2. – 621 с.

Maria N. Perfilova

Word Formation of Archaic Color Designations in Russian

The article discusses the main methods of word formation and word-formation models that were used to create archaic color designations in the history of the Russian language. According to the criterion of relevance or irrelevance of word-building models, there are three main categories of coloratives: 1) formed according to actual word-building models, 2) formed according to completely outdated word-building models, and 3) formed according to partially outdated word-building models. Each of the selected categories is considered separately, including from the point of view of whether word-formation models, according to which coloratives are created, function only within the boundaries of the semantic field of color or are observed beyond it. The semantic color field of the Russian language is considered as a synergistic system with all the properties inherent in systems of this kind. In order to achieve the greatest reliability, the material of different types of dictionaries is used, the main of which are historical and dialectal. The historical material is analyzed in comparison with the data of the modern Russian language.

Key words: color designation, word-formation method, word-formation model, semantic field of color, synergetic system.

For citation: Perfilova, M. N. (2023) Slovoobrazovanie arhaichnykh cvetooboznachenij v russkom yazyke [Word Formation of Archaic Color Designations in Russian]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 178–202. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_178. EDN: MJWAXL

References

1. Bahilina, N. B. (1975) *Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke* [The history of color designations in Russian]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

2. Balahonova, L. I. (2004–2019) (ed.) *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian Language]. Issue 5. Moscow: Nauka; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

3. Degtyarev, V. I. (2003) (ed.) *Bol'shoy tolkovyj slovar' donsogo kazachestva* [Big dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkie slovari; Astrel'; AST. P. 429. (In Russian).
4. Dal', V. I. (1880) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow; St. Petersburg: Izdanie knigoprodavca-tipografa M. O. Vol'fa. Vol. 1. (In Russian).
5. Dobrovol'skij, V. N. (1914) *Smolenskij oblastnoj slovar'* [Smolensk Regional Dictionary]. Smolensk: Tip. P. A. Silina. (In Russian).
6. Kamchatnov, A. M. (2009) *Staroslavjanskij jazyk. Kurs lekcij* [Old Slavonic language. Lecture course]. Moscow. (In Russian).
7. Kezina, S. V., Lunnova, M. G. (2022) Semanticheskaya asimmetrija v leksike (na materiale slavyanskijh jazykov i ih govorov) [Semantic asymmetry in vocabulary (on the material of Slavic languages and their dialects)]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal – Liberal Arts in Russia*. No. 5. Pp. 373–381. (In Russian).
8. Krongauz, M. A. (2001) Opyt semanticheskogo opisaniya pristavki *nad-* [The experience of the semantic description of the prefix *nad-*]. *Glagoľ'nye prefiksy i prefiksali'nye glagoly – Verb prefixes and prefixed verbs*. Vol. 5. No. 1. Pp. 85–95. (In Russian)
9. Kul'pina, V. G. (2019) *Lingvisticheskaya cvetologija: ot istorii k sovremennosti cvetovykh koncepcij* [Linguistic colorology: from history to the present of color concept spheres]. Moscow: MAKS Press. (In Russian).
10. Majorov, A. P. (2010) Terminy zhivotnovodstva v «Slovarje russkogo jazyka XVIII v.: Vostochnaya Sibir'. Zabajkal'e» [Terms of animal husbandry in the Dictionary of the Russian Language of the 18th Century: Eastern Siberia. Transbaikalia]. *Slovo: fol'klorno-dialektologičeskij al'manah – Word: folklore-dialectological almanac*. No. 8. Pp. 51–66. (In Russian).
11. Malecha, N. M. (2002) *Slovar' govorov ural'skijh (jaičkijh) kazakov* [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
12. Meje, A. (2001) *Obščeslavjanskij jazyk* [Common Slavic]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
13. Prokopovich, E. N. (1978) Iz nablyudenij nad suffiksali'noj sinonimiej (na materiale pamyatnikov staroruskoj piš'mennosti) [From Observations on Suffixal Synonymy (on the Material of the Monuments of Old Russian Literature)]. *Issledovaniya po slovoobrazovaniju i leksikologii drevnerusskogo jazyka* [Research on word formation and lexicology of the Old Russian language]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 84–98. (In Russian)
14. Pyataeva, N. V. (2017) Dinamicheskoe opisanie geneticheski blizkoj leksiki vostochnoslavjanskijh jazykov v kontekste problem istoričeskij leksikologii russkogo jazyka [Dynamic Description of the Genetically Close Vocabulary of the East Slavic Languages in the Context of Problems of the Historical Lexicology of the Russian Language]. *Russkij jazyk: istorija, dialektij, sovremennost': sbornik nauchnyh statej po materialam dokladov i soobščeniij konferencij* [Russian language: history, dialects, modernity]. Moscow: MGOU Publ. Pp. 248–258. (In Russian).
15. Remnyova, M. L. (2004) *Staroslavjanskij jazyk* [Old Slavonic language]. Moscow: Akademičeskij proekt Publ. (In Russian).
16. Shvedova, N. YU. i dr. (1980) (eds.) *Russkaja grammatika AN SSSR* [Russian Grammar of the Academy of Sciences of the USSR]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
17. *Slovar' Akademii Rossijskoj (1789–1794)* [Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg: pri Imp. Akad. nauk. (In Russian).
18. Avanesov, R. I. (1988–2019) (ed.) *Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries)]. Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russian).
19. Filin, F. P. (1965–2016) (ed.) *Slovar' russkijh narodnyh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
20. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. (1975–2019)* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
21. Sorokin, YU. S. (1984–2019) (ed.) *Slovar' russkogo jazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language XVIII century]. Leningrad; St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
22. Černyšev, V. M. (1948–1965) (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (In Russian).

23. *Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogoazyka* (1847) [Dictionary of Church Slavonic and Russian language]. In 4 vols. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk. (In Russian).

24. Sreznevskij, I. I. (1893) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogoazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments]. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoj akademii nauk. (In Russian).

25. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskij slovar' russkogoazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Moscow: Progress Publ. P. 142. (In Russian).

26. Haburgaev, G. A. (1974) *Staroslavjanskij yazyk* [Old Slavonic language]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russian).

27. СHерныh, П. ЯА. (1994) *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogoazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. 2. Moscow: Rus. yaz. Publ. (In Russian).

Об авторе

Перфилова Мария Николаевна, документовед Пензенского государственного университета кандидат филологических наук (г. Пенза, Российская Федерация); e-mail: sovyshka2608@yandex.ru; ORCID ID: 0009–0006–9513–4889

About the author

Maria N. Perfilova, Documentation Specialist, Penza State University, PhD in Philology (Penza, Russian Federation); e-mail: sovyshka2608@yandex.ru; ORCID ID: 0009–0006–9513–4889

дата получения: 21.07.2023 г.
дата принятия: 30.09.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 21 July 2023
date of acceptance: 30 September 2023
date of publication: 30 December 2023